

О ценности коллективной работы и исследования практик

Интервью с Лоррейн Дастон

ЛОРРЕЙН ДАСТОН

Почетный директор, Институт истории науки Общества Макса Планка (MPI). Адрес: 22 Boltzmannstraße, 14195 Berlin, Germany. E-mail: daston-office@mpiwg-berlin.mpg.de.

Ключевые слова: история науки; объективность; наблюдение; коллективное авторство.

Беседа с историком науки Лоррейн Дастон посвящена современному состоянию этой дисциплины и собственным проектам Дастон. Она подчеркивает необходимость данной дисциплины для понимания современной науки. По ее мнению, история науки обладает освободительным потенциалом. Изучая историческую изменчивость науки, эта дисциплина демонстрирует, почему наука стала именно такой — с такими предметами, стандартами, методами, — и указывает на альтернативные пути ее развития. Разговор также заходит о возможности создания масштабных картин развития науки. Несмотря на поворот дисциплины к локальности, к акценту на конкретные практики, историзму и избегание обобщений, такие картины все еще возможны в рамках коллективных исследовательских проектов. В качестве примера Дастон приводит деятельность Рабочих групп при Институте истории науки

Общества имени Макса Планка в Берлине.

Дастон затрагивает также вопрос об отношении истории науки и философии. Она кратко очерчивает статус нынешних связей между дисциплинами, а среди ключевых влияний, по крайней мере в европейской традиции, называет Гуссерля, Хайдеггера, Витгенштейна, Башляра, Кангилема, Фуко и Адо. Говоря о разнице между историями естественных и гуманитарных наук, она предполагает, что более интересной оптикой их изучения может быть не дисциплинарная, а практико-ориентированная. Примером исследования, построенного вокруг конкретных практик, служит ее совместный с Питером Галисоном проект изучения объективности как истории практик создания и чтения научных образов. Дастон кратко рассказывает об истории и особенностях их сотрудничества. В заключение она делится своими ближайшими исследовательскими планами.

Какого рода «историю» (из множества возможных «историй») вы стремитесь создавать?

История науки как дисциплина может опираться на множество подходов: культурный, интеллектуальный, политический, экономический, антропологический, литературный. К тому же значительно расширился и круг ее исследовательских объектов. Это особенно верно для истории науки до Нового времени (хотя не только), то есть для периода, предшествующего профессионализации и институализации науки в конце XIX века. Мы, историки этого периода, с неизбежностью остро осознаем, что такие научные практики, как наблюдение или эксперимент, возникли из более широкого контекста того, что может быть названо историей знания. В последние годы в своей исследовательской работе я стремилась соединить историю фундаментальных категорий (например, таких как «факт» или «свидетельство») с конкретными практиками.

Одним из самых влиятельных проектов истории науки как дисциплины был проект Джеймса Конанта, в котором работал молодой Томас Кун. Изначальной задачей проекта была популяризация науки, то есть объяснение не-ученым, что такое наука. Удалось ли Конанту решить эту задачу?

Популяризация науки учеными имеет в XX веке славную традицию: можно вспомнить блестящую серию книг Георгия Гамова, целью которой было сделать понятным для широкой публики все — от статистической механики до квантовой теории. Но я не знаю, точно ли слово «популяризация» отражает суть проекта Джеймса Брайанта Конанта по введению истории науки в учебный план Гарварда после Второй мировой войны. И хотя курс истории науки, который он разработал вместе со своими коллегами (такими

Перевод с английского Александра Писарева и Станислава Гавриленко.

как Леонард Нэш и Томас Кун), предназначался для студентов, не собирающихся становиться учеными, его цель состояла в том, чтобы обучить способам научного мышления, а не познакомить с упрощенными версиями текущих научных концепций. Исторические кейсы, выбранные для этого курса, были какими угодно, но только не простыми: от студентов ожидалось понимание тонкостей и хитросплетений механики Аристотеля или флогистонной теории Пристли. Краеугольным камнем программы Конанта было стремление спасти демократию от сползания к технократии путем предоставления гражданам инструментов для понимания научных аргументов.

Кун, в свою очередь, радикально порвал с кумулятивистской концепцией научного прогресса Конанта, предложив взамен в известной степени релятивистскую идею несоизмеримых парадигм, которая определила направление развития дисциплины на многие годы. Если историки науки пытаются понять науку прошлого в ее собственных терминах, избегая генерализаций и отсылок к универсальным и вневременным образам Науки и Метода, как они могут способствовать пониманию современной науки?

Исследование исторического развития науки с необходимостью предполагает, что прошлое и настоящее науки существенно отличаются друг от друга, иначе не было бы развития. Но это не означает, что прошлая наука не имеет никакого отношения к современной (и наоборот). Без истории науки нельзя понять сегодняшнюю науку: почему она изучает то, что изучает, и теми (а не иными) способами, которыми она это делает, и почему она не изучает то, что не изучает. Без истории науки нельзя также понять, кто может или не может считаться ученым. В этом заключается освобождающая функция истории науки для науки настоящего. Она показывает контингентные элементы в развитии науки и тем самым предлагает альтернативные пути.

Благодаря первоначальному влиянию «Структуры научной революции» Томаса Куна, нескольким поворотам (например, материальному и антропологическому) и активным контактам с другими социальными дисциплинами

история науки и исследования науки и техники сместили акцент с поиска структур и универсальных характеристик исторического процесса и науки и перестроили свои подходы исходя из принципов историзма, локальности, методологического релятивизма и партикуляризма, основанных на множественности теоретических языков, научных культур, мест и практик. Эти принципы стали компонентами дисциплинарного здравого смысла. Имеют ли сегодня место в дисциплине попытки восстановить структуры или универсальное, вернуться к генерализациям и синтезу, учитывая при этом последние достижения и исследовательские результаты? Возможны ли сегодня «масштабные картины» в истории науки, принимая во внимание поворот к локальному и стремление избегать обобщений?

История науки, создающая «масштабные картины», конечно же, не стала невозможной. Это доказывает ряд последних работ. Но она все больше пишется по-другому: скорее коллективами ученых разных специальностей, чем одним эрудированным индивидом. Пример подобной коллективной работы — издания Рабочих групп, действующих под эгидой Института истории науки Общества имени Макса Планка¹. Но это только одна из моделей коллективной ра-

1. В данном случае коллективный характер работы предполагает проведение в ходе проекта ряда рабочих сессий, во время которых черновики глав представляются, обсуждаются и перерабатываются. С 2004 года Рабочими группами опубликовано более 30 книг. См., напр.: Working With Paper: Gendered Practices in the History of Knowledge / C. Bittel et al. (eds). Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2019; Data Histories / E. Aronova et al. (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2017; Erickson P. et al. How Reason Almost Lost Its Mind: The Strange Career of Cold War Rationality. Chicago: University of Chicago Press, 2013; Neurocultures: Glimpses Into an Expanding Universe / F. Ortega, F. Vidal (eds). Fr.a.M.: Peter Lang, 2011; Things That Talk: Object Lessons From Art and Science / L. Daston (ed.). N.Y.: Zone Books, 2004. Полный список коллективных трудов Рабочих групп — см. URL: https://www.mpiwg-berlin.mpg.de/books/working-groups?field_book_category_target_id=224. Стоит отметить, что Дастон придавала особое значение коллективной работе и до запуска этого проекта. Начиная с конца 1990-х годов вышел ряд значимых книг с ее непосредственным участием. См., напр.: Daston L., Park K. Wonders and the Order of Nature. N.Y.: Zone Books, 1998; Biographies of Scientific Objects / L. Daston (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press,

боты — возможны и другие. Мы все еще экспериментируем с возможностями коллективного авторства с тем, чтобы соответствовать радикальному географическому и временному расширению исследовательского поля истории науки.

В результате расцвета исследований науки и техники и истории науки во второй половине XX века философия науки (например, основанный на пропозициональном анализе логический позитивизм) оказалась вытеснена на второй план области изучения науки. Тем не менее связь между историей науки и философией определенного типа сохранилась. Во многих работах по истории науки используются концепты и идеи позднего Фуко или позднего Витгенштейна (например, практики себя, правительственность (governmentality), формы жизни). Каковы в настоящее время отношения между историей науки и различными философскими проектами?

Философия продолжает играть в отношении истории науки определяющую роль, особенно в европейской континентальной традиции этих двух областей. Не только Фуко и Витгенштейн, но и Гуссерль, Башляр, Кангилем, Адо, Хайдеггер по-прежнему оказывают влияние на историю науки и техники. Однако в англосаксонских академических кругах история науки и философия науки отдалились друг от друга. Но есть важные исключения. Прежде всего на ум приходят основополагающие работы таких философов, как Нэнси Картрайт, Ян Хакин², Филипп Китчер, Сандра Митчелл. В особенности в области эволюционной биологии взаимодействия между философами, историками и учеными остаются активными и плодотворными. Однако в других областях интерес сторон друг к другу ослаб: историки считают идеи многих философов слишком далекими от действительной науки — прошлой или современной; философы же полагают, что исследования историков посвящены чересчур узким темам и сосредоточены на деталях. В результате вза-

2000; *The Moral Authority of Nature* / L. Daston (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2004. — *Прим. пер.*

2. См. рецензию Зинаиды Сокулер на последнюю книгу Хакинга *Why Is There Philosophy of Mathematics at All?* в «Логосе» № 3 за 2020 год. — *Прим. пер.*

имное обогащение идеями, происходившее между историей науки и философией науки и столь явное в исследованиях 1970-х и 1980-х годов, значительно уменьшилось, но полностью не прекратилось.

В чем заключаются ключевые концептуальные различия между историей естественных наук и историей социальных и гуманитарных наук?

Я полагаю, что вопрос о концептуальных отношениях между историей естественных наук и историей гуманитарных наук должен быть поставлен на более конкретном уровне. И на это есть по крайней мере две причины. Во-первых, подразделения знания, которые мы сейчас считаем само собой разумеющимися, сформировались в основном в XIX веке. Более ранние эпохи и другие культуры вычерчивали карту гуманитарных дисциплин иначе. Например, в учебной программе средневековых университетов музыкальная теория и астрономия были ближе друг другу, чем музыкальная теория — к риторике, а астрономия — к натуральной философии. Другой пример: в XVII–XVIII веках философия и физика едва ли были отличимы друг от друга. Во-вторых, наиболее интересной единицей анализа может быть не та или иная дисциплина, а конкретная практика, например тщательное сравнение текстов и растений, практиковавшееся в эпоху Возрождения и гуманистами, и ботаниками (порой это были одни и те же люди), или же попытки справиться с изменчивостью манускриптов и наблюдений в филологии и астрономии начала XIX века. В зависимости от периода, места или практики гуманитарные и естественные науки могли взаимодействовать сильно, слабо или вообще никак.

Одно из ваших многолетних исследований, которое вы вели совместно с Питером Галисоном, посвящено истории научной объективности³. Оно строится именно как история

3. Дастон Л., Галисон П. Объективность / Пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева; под ред. К. Иванова. М.: НЛО, 2018. См. также рецензии на эту книгу: Столярова О. Е. L. Daston, P. Galison. Objectivity. N.Y.: Zone Books, 2007. 501 p. Л. Дастон, П. Галисон. Объективность // Вопросы философии. 2009. № 12; Баева А. В. Историческая концепция объективности Л. Дастон и П. Галисона // Вестник Московского университе-

практик, в частности практик создания и чтения научных изображений — рисунков, фотоснимков, снимков из рентгеновских аппаратов и пузырьковых камер, продуктов сканирующих атомно-силовых микроскопов и многих других. Может ли она быть написана на основе исследования других объектов?

Мы с Питером Галисоном выбрали научные изображения, потому что, с одной стороны, производство образов является важнейшей научной практикой, а с другой — подобный выбор позволял исследовать широкий круг научных дисциплин. Но история объективности может быть написана исходя из других научных практик, например квантификации, как это делается в работах Теодора Портера⁴.

Расскажите об истории вашего сотрудничества. Что в нем было ключевым? Были ли между вами разногласия или по важным пунктам вы сходились во мнениях?

Мы начали работать вместе в 1989/1990 академическом году, когда оба подвизались в Центре перспективных исследований в области поведенческих наук в Стэнфорде. В тот год мы написали статью «Образ объективности»⁵. Создание книги заняло гораздо больше времени, ведь мы работали на разных континентах: Питер — в Кембридже (Массачусетс), а я — в Берлине, а также отчасти потому, что у каждого из нас были и другие обязательства, как профессиональные, так и семейные. Возможно, самым важным в нашем партнерстве, — с моей точки зрения, конечно, — было то, что, хотя все это заняло у нас в два раза больше времени, результаты получились также по меньшей мере в два раза лучше. Ключевыми в нашем сотрудничестве были долгие обсуждения, в основном во время личных встреч, когда мы развивали идеи, ломали головы над проблемами, сравнивали источники, отлавливали несты-

та. 2018. Серия 7: Философия. № 3; Гретчина О. С. Историческая изменчивость самости в научном ландшафте // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. — Прим. пер.

4. См., напр., перевод статьи Теодора Портера «Лукавые числа», опубликованный в «Логосе» № 3 за 2020 год. — Прим. пер.

5. Daston L., Galison P. The Image of Objectivity // Representations. 1992. № 40. P. 81–128. — Прим. пер.

ковки и противоречия, проясняли свои аргументы. Конечно, мы не всегда соглашались друг с другом — скорее наоборот. Проработка разногласий в каком-то смысле была самой полезной частью наших обсуждений. Эта сторона сотрудничества была противоположна разделению труда: больше похожа на удвоение труда. Но именно напряженные дискуссии, в ходе которых мы часто изменяли свои мнения, легли в основу этой книги.

Каким было это разделение труда?

Конечно, хронологическим: я отвечала прежде всего за XVIII век, а Питер — за XX. Встречались мы в XIX веке, которым никто из нас раньше особенно не занимался, и вместе изучали его. Черновики глав мы писали по отдельности (но вовсе не независимо друг от друга). Впрочем, после стольких дискуссий и переработок в конечном счете часто бывает сложно сказать, кто какое предложение написал. Лучше всего у нас получалось работать, когда удавалось подолгу находиться вместе (к сожалению, это случалось слишком редко). Тогда можно было обмениваться черновиками и сразу обсуждать их, а затем по очереди прорабатывать. К несчастью, когда нам не удавалось оказаться в одном месте в одно время, мы были слишком заняты, чтобы интенсивно заниматься книгой. Поэтому работа над ней шла нерегулярно, с мощным рывком на стадии завершения в 2005–2006 годах.

С момента выхода книги прошло тринадцать лет. Что бы вы сейчас изменили в книге или, может быть, добавили, ведь появилось немало новых технологий производства и хранения образов, которые влияют на науку?

Я говорю, разумеется, только за себя. Для меня опубликованные книги как выросшие дети, отправленные в мир: на их опыте учишься, но уже не можешь изменить их. Мы с Питером были приятно удивлены широкой междисциплинарной рецепцией книги, особенно среди историков искусства и фотографии и даже среди некоторых художников, и я, разумеется, очень многое почерпнула из отзывов коллег и студентов из многих областей. Однако проект истории объективности и других эпистемических добродете-

лей, как мне кажется, — это огромный и продолжающийся проект, который лучше всего вести усилиями многих исследователей.

Мы живем в смутное время, когда новые практики — от фотешопа до компьютерных симуляций и новых техник визуализации данных — проблематизируют и меняют смысл объективного научного образа. В последнее время такие ведущие журналы, как *Science* и *Nature*, посвятили этой теме свои редакторские статьи с попытками сформулировать стандарты и нормы. Пока еще рано говорить, что получится в итоге, но в журналах по исследованиям науки уже есть интересные статьи о влиянии той или иной новой техники.

Расскажите, пожалуйста, о своем исследовании истории научного наблюдения. Можно ли считать историю объективности частью этого долгосрочного проекта?

Не совсем так. Проект по истории научного наблюдения (его итогом стала одна из книг упомянутой выше Рабочей группы, «Истории научных наблюдений»⁶, которую я редактировала вместе с Элизабет Лунбек) вырос из исследования, легшего в основу «Объективности», и из предшествовавшей ему работы о добродетелях внимания в естественной истории эпохи Просвещения. Это классический пример темы, которой должен заниматься коллектив ученых: нет более фундаментальной, всепроникающей и разнообразной научной практики, чем наблюдение, и тем не менее у нас не имеется даже зачатков его истории. Возможно, потому, что наблюдение было настолько вездесущим, что воспринималось как нечто самоочевидное. Поэтому книга получилась объемная, но она едва подступилась к этой теме. Обобщать, вероятно, преждевременно, пока не проделан гораздо больший объем работы (благодаря этой книге нам удалось сделать наблюдение исследовательской темой истории науки⁷).

6. *Histories of Scientific Observation* / L. Daston, E. Lunbeck (eds). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2011. См. рецензию Станислава Гавриленко на эту книгу в «Логосе» № 3 за 2020 год. — *Прим. пер.*

7. См., напр., монографические исследования Мэри Тэррол и Даниэлы Блейчмар, двух участниц проекта по истории научного наблюдения, вышедшие уже после его окончания: *Terrall M. Catching Nature in the Act: Ré-*

Как бы то ни было, в ней есть три хронологически и тематически связанных между собой обзорных эссе — Катарина Парк, Джианны Помата и мое, — охватывающих период 500–1800 годов, по меньшей мере на Латинском Западе (мы ясно понимали, сколь неполными такой охват делал наши результаты). В них показывается, как некогда повседневная практика крестьян и моряков в раннее Новое время стала ученой практикой, а со временем, к середине XVIII века, — и рафинированной научной практикой. В этих эссе мы надеялись не только задать рамку для более узких исследований, из которых состоит остальная книга, но и предложить модель того, как писать историю *la longue durée* превращения вернакулярных практик в научные.

Под чьим влиянием складывался ваш подход к истории науки? Кого бы вы назвали своими учителями, интеллектуальными предшественниками, союзниками и, может быть, оппонентами?

Я изучала историю и философию науки в Гарвардском и Кембриджском университетах, где моими учителями были Эрвин Хиберт, Иером Бернард Коэн, Джеральд Холтон, Хилари Патнем, Израэль Шеффлер и Мэри Гессе. Не скажу о союзниках и оппонентах, но точно могу сказать, что мне необычайно повезло иметь долгие дружеские отношения с коллегами, которых я встретила в студенческие годы и чьи исследования и идеи глубоко повлияли на мои собственные: среди прочих это Катарина Парк, Джоан Ричардс, Арнольд Дэвидсон и, конечно, Питер Галисон.

Какими исследовательскими проектами и темами вы сейчас занимаетесь и какими планируете заняться?

Сейчас я занята проектами нескольких книг. Ближе всех к завершению относительно небольшая книга по гигантской теме: история правил — правил игр, монашеских общин, художественных промыслов, городского движения,

age and the Practice of Natural History in the Eighteenth Century. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2013; *Bleichmar D. Visible Empire; Botanical Expeditions and Visual Culture in the Hispanic Enlightenment.* Chicago; L.: University of Chicago Press, 2012. — *Прим. пер.*

вычислений и многого-многого другого, от античности до XX века. Кроме того, я начала писать книгу о международном управлении в науке: как в XIX веке благодаря первым устойчивым случаям сотрудничества глобального масштаба в гуманитарных и естественных науках были созданы механизмы координации деятельности и принятия решений исследователей и ученых по всему миру. И наконец, я бы хотела написать короткую комплексную книгу, переосмысляющую исторический нарратив отношения между наукой и современностью.

Беседовали *Станислав Гавриленко* (доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) и *Александр Писарев* (младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН)

Лето 2019 года

Библиография

- Баева А. В. Историческая концепция объективности Л. Дастон и П. Галисона // Вестник Московского университета. 2018. Серия 7: Философия. № 3. С. 42–51.
- Гретчина О. С. Историческая изменчивость самости в научном ландшафте // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 244–250.
- Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: НЛО, 2018.
- Стоярова О. Е. L. Daston, P. Galison. Objectivity. N.Y.: Zone Books, 2007, 501 p. Л. Дастон, П. Галисон. Объективность // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 164–168.
- Biographies of Scientific Objects / L. Daston (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2000.
- Bleichmar D. Visible Empire; Botanical Expeditions and Visual Culture in the Hispanic Enlightenment. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2012.
- Daston L., Galison P. The Image of Objectivity // Representations. 1992. № 40. P. 81–128.
- Daston L., Park K. Wonders and the Order of Nature. N.Y.: Zone Books, 1998.
- Data Histories / E. Aronova et al. (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2017.
- Erickson P. et al. How Reason Almost Lost Its Mind: The Strange Career of Cold War Rationality. Chicago: University of Chicago Press, 2013.
- Histories of Scientific Observation / L. Daston, E. Lunbeck (eds). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2011.
- Neurocultures: Glimpses Into an Expanding Universe / F. Ortega, F. Vidal (eds). Fr.a.M.: Peter Lang, 2011.

- Terrall M. *Catching Nature in the Act: Réaumur and the Practice of Natural History in the Eighteenth Century*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2013.
- The Moral Authority of Nature* / L. Daston (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2004.
- Things That Talk: Object Lessons From Art and Science* / L. Daston (ed.). N.Y.: Zone Books, 2004.
- Working With Paper: Gendered Practices in the History of Knowledge* / C. Bittel et al. (eds). Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2019.

ON THE VALUE OF COLLECTIVE WORK AND STUDYING PRACTICES: AN INTERVIEW WITH LORRAINE DASTON

LORRAINE DASTON. Director Emerita, daston-office@mpiwg-berlin.mpg.de.
Max Planck Institute for the History of Science (MPI), 22 Boltzmannstraße, 14195
Berlin, Germany.

Keywords: history of science; objectivity; observation; collective authorship.

A conversation with historian of science Lorraine Daston covers the current state of the discipline and Dr. Daston's own projects. She argues that a history of science is indispensable for understanding contemporary science. She believes that the history of science has the potential to be liberating. By studying the historical variability of science, the discipline shows how science has become what it is — with certain subjects, standards and methods — and points to alternative ways for it to develop. The conversation also turns to whether “big pictures” of the development of science are possible. Although the discipline is trending toward localization with a focus on concrete material practices, historicism, and avoiding generalizations, those big pictures are still possible through collective research projects. Daston cites the efforts of the Working Group at the Max Planck Institute for the History of Science in Berlin as one example.

The question of the relation between the history of science and philosophy is also discussed. Daston briefly outlines the status of the current interactions between these disciplines and singles out Heidegger, Wittgenstein, Bachelard, Canguilhem, Foucault, and Hadot as some of the key, at least on the European tradition. Speaking about the difference between histories of the natural sciences and the humanities, she suggests that the more interesting optics in their study may be practice-oriented rather than disciplinary. An example of research built around particular practices is her joint research project with Peter Galison on objectivity as a history of the practices for creating and reading scientific images. Daston briefly describes the history and features of their collaboration. In conclusion, she shares her immediate research plans.

DOI: [10.22394/0869-5377-2020-2-1-12](https://doi.org/10.22394/0869-5377-2020-2-1-12)

References

- Baeva A. V. Istoricheskaia kontseptsiiia ob'ektivnosti L. Daston i P. Galisona [Historical concept of L. Daston's and P. Galison's Objectivity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 7: Filosofiiia* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy], 2018, no. 3, pp. 42–51.
- Biographies of Scientific Objects* (ed. L. Daston), Chicago, London, University of Chicago Press, 2000.
- Bleichmar D. *Visible Empire; Botanical Expeditions and Visual Culture in the Hispanic Enlightenment*, Chicago, London, University of Chicago Press, 2012.
- Daston L., Galison P. *Ob'ektivnost'* [Objectivity], Moscow, New Literary Observer, 2018.
- Daston L., Galison P. The Image of Objectivity. *Representations*, 1992, no. 40, pp. 81–128.
- Daston L., Park K. *Wonders and the Order of Nature*, New York, Zone Books, 1998.
- Data Histories* (eds E. Aronova et al.), Chicago, University of Chicago Press, 2017.
- Erickson P. et al. *How Reason Almost Lost Its Mind: The Strange Career of Cold War Rationality*, Chicago, University of Chicago Press, 2013.

- Gretchina O. S. Istoricheskaia izmenchivost' samosti v nauchnom landshafte [Historical Variability of the Self in the Scientific Landscape]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 4, pp. 244–250.
- Histories of Scientific Observation* (eds L. Daston, E. Lunbeck), Chicago, London, University of Chicago Press, 2011.
- Neurocultures: Glimpses Into an Expanding Universe* (eds F. Ortega, F. Vidal), Frankfurt am Main, Peter Lang, 2011.
- Stoliarova O. E. L. Daston, P. Galison. Objectivity. N.Y.: Zone Books, 2007, L. Daston, P. Galison. Ob'ektivnost'. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2009, no. 12, pp. 164–168.
- Terrall M. *Catching Nature in the Act: Réaumur and the Practice of Natural History in the Eighteenth Century*, Chicago, London, University of Chicago Press, 2013.
- The Moral Authority of Nature* (ed. L. Daston), Chicago, London, University of Chicago Press, 2004.
- Things that Talk: Object Lessons From Art and Science* (ed. L. Daston), New York, Zone Books, 2004.
- Working With Paper: Gendered Practices in the History of Knowledge* (eds C. Bittel et al.). Pittsburgh, PA, University of Pittsburgh Press, 2019.